

Касым-ага был нашим родственником. Деды моего отца Мукатая и его отца Рақымжана были братьями. Касым-ага в раннем детстве лишился родителей и воспитывался в нашей семье. Об этом часто рассказывала моя мама Казима. Отец у меня был адвокатом. И Касым-ага помогал ему переписывать разные официальные бумаги.

Касым-ага

Моя мама помнила Касыма как толкового и талантливого парнишку. Он уже тогда мог по любому поводу сочинить стихотворение. И его друзья-сверстники, юноши и девушки, просто, как говорится, умирали со смеху от его эпиграмм. С самого раннего детства он был честным, открытым и приветливым человеком. За что его и любили.

Касым-ага называл меня сестренкой, а я его считала старшим братом. Первый раз я его встретила в год завершения войны, когда училась на вокальном отделении Алма-Атинской консерватории имени Курмангазы. Он сам меня разыскал на занятиях, вызвал из аудитории, расцеловал и представился:

— Я твой дядя Касым. Ты же дочка моего дорогого Мукатая. Я только с фронта. Ни дома, ни семьи у меня пока нет. Но как только я обустроюсь, ты будешь жить у меня. А сейчас пойдем, я тебя покормлю, заодно поговорим о житье-бытье.

Вскоре Касым-ага женился. Они с тетей Сапен снимали даже не дом, а какую-то хибару на окраине Алма-Аты. Сами понимаете, конец войны. Жилье почти не строилось. Трудное было время. Условий, чтобы плодотворно можно было трудиться, не было. Но он работал очень много. Вот что он писал про то время:

Холодно в доме,
он хмур и тесен,
Но я никогда
его не покину...
Я разожгу костер

из песен

И обогрею жену и сына.

Возможно, вот такие жалостливые стихи расшевелили кого-то из начальства, и в 1948 году Касым-ага получил трехкомнатную квартиру. Дом располагался на углу улиц Виноградова и Ленина, совсем недалеко от бывшего здания библиотеки имени Пушкина. И я жила в этом доме вместе с семьей Аманжоловых несколько лет.

Супруга Касыма-ага Сапен оказалась человеком бесценных душевных качеств. Она и внешне была красива. Конечно, у Касыма-ага характер был сложный, но дома, в семье, это, насколько я помню, никогда не проявлялось. Хозяйственными делами он никогда не занимался. Главное для него были стихи. Все дела дома вела его супруга. Жили они скромно. Чтобы хранить что-то на «черный день», об этом и речи не было.

Касым-ага иногда получал довольно приличные гонорары. И принося деньги домой, он говорил жене: «Сейчас надо Хафизу приодеть. Купи ей пальто, туфли, сапоги. Ведь ее отец и меня когда-то взял под свое крыло. Об этом я никогда не забуду».

Сапен-апай тогда говорила, обижаясь: «Хафиза и так мне, как дочь родная. Могли бы вы об этом и не напоминать мне».

А какая радость была, когда у них родилась дочь Дарига. Так же страстно любил я дочку Жанну. Какими он хорошими, по-советски патриотичными и образованными людьми их воспитал. Только одна остается радость — не увидел он радости своих детей, не узнал, что заняли они достойное место в нашей жизни. Доброе, душевное и заботливое отношение Касыма-ага к своей семье, к детям, к жене можно узнать из этих строк:

Трудись, мой премьер,
И не уставай,
Тебе не положено
уставать,
Домашним очагом
управлять.
Я буду народу стихи
слагать.

Я тку стихи
из большой мечты,
Но много ли мне отмеряно
дней?

Все думаю я,
все думаешь ты
О счастье, о будущем
наших детей.

Все свои чувства к жене, к детям он выражал в стихах, и если кто читал его произведения, тот наверняка увидел и почувствовал это. Я не хотела бы и не буду говорить о творчестве Касыма-ага. Найдутся для этого литературоведы, писатели. Мне просто хотелось рассказать о нем, как о человеке, семьянине, то что я сама видела и знала.

Дом его был гостеприимным. Тогда я видела там сейчас уже известных поэтов и писателей Сырбая Мауленова, Гафу Каирбекова, Тахауи Ахтанова, и многих-многих других. Были долгие и бесконечные разговоры о литературе, читались стихи. И если кто-то из молодых поэтов позволял, что называется, «халтурить», то Касым-ага отправлял его в другую комнату, чтобы тот поработал над текстом. Когда дело касалось поэзии, он никому, даже самому близкому другу, не давал спуска. «Вы будете мне благодарны за мою строгость», — говорил он своим друзьям. И если ему что-то не нравилось в стихах, то он говорил об этом прямо в лицо.

Где-то в те годы вышел сборник стихов молодых Шататов. Были там опубликованы и стихи Тахауи Ахтанова. Рецензию на сборник написал Касым-ага. Но про стихи Ахтанова он даже словом не обмолвился.

И вот как-то повстречавшись с Тахауи, дядя сказал ему:

— Ты, наверное, удивляешься, что я ничего не сказал о твоих стихах. А ты не удивляйся. Хоть в твоих стихах и есть мысли хорошие, а вот настоящей поэзии нет. Бросил бы ты стихотворство и занялся прозой. Это твое призвание.

Поэтический дар Касыма Аманжолова знают все. А современники восхищались им как одаренным переводчиком, певцом, музыкантом, который свободно владел домброй, скрипкой, пианино. Многие его стихи стали популярными песнями, которые исполняют сейчас наши известные певцы.

Имя нашей замечательной певицы, народной артистки СССР Розы Баглановой стало известно сразу после войны. И песня, которая принесла ей славу, была «Ах, Самара-городок». Никто, как она, не исполнял эту песню. Как-то я дома начала напевать эту мелодию. Касым-ага услышал и попросил всю ее пропеть. И тут же взял домбру и пропел эту песню на казахском языке. Это говорит о его большом импровизаторском таланте.

Но, правда, я еще не слышала, чтобы кто-то исполнял эту песню на казахском языке. Видимо, дядя не стал ее публиковать. Так и остался казахский вариант этой песни неизвестным, хотя я сама несколько раз исполняла ее при публике. Если вы помните, после войны перед киносеансами давались небольшие концерты. И я, тогда студентка консерватории, подрабатывала в кинотеатре. Тогда я и пела эту песню под свой аккомпанемент.

Вот несколько таких воспоминаний о нашем талантливейшем поэте, моем дяде Касыме Аманжолове. Может, то, что я сказала, поможет как-то дополнить и без того яркий его портрет.

Х. ИСКАКОВА,
ветеран труда, отличник
радио и телевидения
СССР.
КАРАГАНДА.